

РОЛЬ СТАЛИНА В ОРГАНИЗАЦИИ КОНКУРСА НА ПРОЕКТИРОВАНИЕ ДВОРЦА СОВЕТОВ (1931–1932 гг.)

УДК 72.092(470-25)“193”:929

С.О. Кузнецов

Главный архитектор Москвы, Первый заместитель Председателя Комитета по архитектуре и градостроительству Москвы, Москва, Россия

Аннотация

Некоторые исследователи истории архитектуры полагают, что переход от авангарда к так называемому «сталинскому стилю» в советской архитектуре произошел по личной инициативе политического лидера СССР И.В. Сталина. Факты свидетельствуют о том, что архитектура, как и другие разделы культуры – литература, музыка, театр, кино и проч. – подвергалась жесткому идеологическому контролю со стороны правящего режима. Однако миф о том, что Сталин персонально произвел «стилевую ломку» и полностью лишил архитекторов возможности творческого поиска в начале 1930-х годов, не подтверждается архивными источниками. Российской и зарубежной историографией установлено, что на изменение официального архитектурного стиля в СССР в наибольшей степени повлиял конкурс на проектирование Дворца Советов в Москве. В статье предпринята попытка рассмотреть важнейшие – ранние этапы конкурса, основываясь на архивных материалах. Их анализ показывает, что архитекторы играли ключевую роль в стилистическом сдвиге, который был обусловлен рядом факторов: идеологией, личной политикой, пространственными и архитектурными соображениями, а также, безусловно, влиянием Сталина.¹

Ключевые слова: Сталин и архитектура, архитектура и власть, Дворец Советов, Борис Иофан

STALIN AND THE FIRST STAGES OF THE COMPETITION FOR THE DESIGN OF THE PALACE OF SOVIETS (1931–1932)

S. Kuznetsov

Chief Architect of Moscow, First Deputy Chairman of the Moscow City Architecture Committee Moscow, Russia

Abstract

Some researchers in the field of architectural history believe that the transition from the Avantgarde to the “Stalinist” style of architecture in the USSR happened because of the personal initiative of the Soviet dictator, I. Stalin. Several authors of publications on the Stalinist period of architecture are particularly strong supporters of this argument. There is no doubt that architecture, like other types of culture – literature, music, theater and cinema – was subject of severe ideological dictates of the ruling power. Stalin did personally intervene in the cultural sphere in a number of famous instances. However, the myth that Stalin initiated a “style break” and completely deprived architects of creative agency in the early 1930s is not supported by archival sources. Russian and foreign historiography has already established that the change in architectural style toward monumentalism was most influenced by the competition for the design of the Palace of Soviets in Moscow. Based on archival research, this article examines the crucial early phases of the Palace competition. It shows that architects played key roles in a

¹ **Для цитирования:** Кузнецов С.О. Роль Сталина в организации конкурса на проектирование Дворца Советов (1931–1932 гг.) // Architecture and Modern Information Technologies. – 2019. – №3(48). – С. 51–60 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://marhi.ru/AMIT/2019/3kvart19/PDF/04_kuznecov.pdf

stylistic shift that was driven by a number of factors: ideology, personal politics, and spatial and architectural considerations, as well as Stalin's influence.²

Keywords: Stalin and architecture, architecture and power, Palace of Soviets, Boris Iofan, transition from Avantgarde to Stalinist architecture

О сталинском периоде в истории советской архитектуры издано немало работ, но интерес к теме по-прежнему не угасает. Постсоветской историографией установлено, что архитектура, как и другие разделы культуры – литература, музыка, театр, кино и проч. – подвергалась жесткому идеологическому диктату со стороны правящего режима. По словам С.О. Хан-Магомедова, стремительно развивавшийся и далеко не исчерпавший своих творческих возможностей, авангард был «сбит властными структурами в апогее своего творческого взлета» в самом начале 1930-х годов [2, с.10]. Это утверждение представляется бесспорным. Но до сих пор остается загадкой – насколько в действительности велико было влияние И.В. Сталина на формирование архитектурной повестки в 1930-1950-е годы. Существует блок литературы, в котором личная роль вождя представлена преувеличенно. Некоторые авторы пытаются доказать, что именно Сталин лично был «Главным Архитектором в сталинской архитектуре», отменил авангард и «приказным образом ввел в архитектуру некую условную неоклассику», «тотальный запрет на самостоятельное творчество и на независимые от цензуры убеждения». Они считают, что «стилевая ломка» задумывалась Сталиным загодя и была проведена при проектировании Дворца Советов.³ Близкое к этому суждение высказывается и в недавно опубликованной монографии А.Н. Селивановой об архитектуре второй пятилетки (1932-1937 гг.), которое строится на публикациях в архитектурных журналах, без обращения «к материалам закрытых архивов» [1, с.59-61]. Такой подход представляется чрезмерно упрощенным: есть опасность, развенчивая одни мифы российской историографии, подменить их другими, если исследования не основаны на солидной документальной базе. Архивные материалы не подтверждают теорию о том, что Сталин был главным автором архитектурного стиля 1930-1950-х годов, который называют «сталинским ампиром», «неоклассикой», «сталинской архитектурой» и т.п.

Для оценки степени воздействия на архитектуру сталинского аппарата управления следует разобраться в его устройстве. Известно, что руководство политикой и экономикой страны осуществлялось через высший орган Коммунистической партии – Политбюро ЦК ВКП(б). Иногда при чтении работ о сталинской архитектуре возникает впечатление, что Сталин и Политбюро были с головой погружены в архитектурные дела. Это впечатление необоснованно. Исследования российских историков показывают, что в 1930-1932 годы, когда принимались решения о Дворце Советов, Политбюро ЦК было чрезмерно перегружено. Оно собиралось часто, иногда два раза в неделю. На одном заседании решались по полсотни и более вопросов. Решения принимались на основе выступлений докладчиков. Например, по вопросам Дворца Советов в Политбюро предложения вносили В.М. Молотов, А.С. Енукидзе и Г.М. Кржижановский. Если по важным политическим вопросам среди членов Политбюро бывали жестокие споры, то по архитектурным темам разногласий не возникало. Вопросы о месте постройки Дворца Советов шли сороковыми, пятидесятыми, а то и шестидесятыми пунктами повестки

² **For citation:** Kuznetsov S. Stalin and the First Stages of the Competition for the Design of the Palace of Soviets (1931-1932). *Architecture and Modern Information Technologies*, 2019, no. 3(48), pp. 51-60. Available at: https://marhi.ru/AMIT/2019/3kvart19/PDF/04_kuznecov.pdf

³ Хмельницкий Д.С. Зодчий Сталин. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – С. 4-10; Он же. Эпоха несвободы. К спорам о качестве сталинской архитектуры; Ворованный воздух. О пользе архитектурно-исторических дискуссий и др. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://archi.ru/lib/author.html?id=13691&fl=5&sl=4> (дата обращения 01.04.2019); см. также: Васькин А.А., Назаренко Ю.И. Сталинские небоскребы: от Дворца Советов к высотным зданиям. – М.: «Спутник», 2011.

Политбюро, принимались без возражений и заключались лишь в нескольких сухих строчках.⁴

С конца 1932 года количество заседаний Политбюро и обсуждаемых вопросов было уменьшено; по мере концентрации власти в руках вождя обсуждение все больше переносилось в его личный кабинет в Кремле. Повестки дня заседаний Политбюро и журналы приемов у Сталина опубликованы. Из них, очевидно, что, несмотря на идеологическую важность архитектуры, лидер государства не выделял ее среди других дел, а архитекторы не входили в круг его приближенных. В начале 1930-х Сталина гораздо больше занимали вопросы, связанные с выполнением первого пятилетнего плана, коллективизация, внутривластная борьба и т.п. Что касается хозяйственных вопросов, на заседаниях Политбюро намного больше внимания уделялось, к примеру, снабжению Москвы дровами, чем Дворцу Советов [4].

По журналам приемов в Кремле также очевидно, что Сталин не приглашал архитекторов для личных бесед, чтобы донести до них свои архитектурные пристрастия. Не зафиксировано встреч даже с самыми заслуженными мэтрами – А.В. Щусевым и И.В. Жолтовским, архитектурными функционерами М.В. Крюковым, К.С. Алабяном, А.Г. Мордвиновым, главным архитектором «Дома на набережной» и Дворца Советов Б.И. Иофаном, архитектором т.н. сталинских высоток Д.Н. Чечулиным.⁵ В основном Сталин встречался с группами архитекторов по определенным поводам, например – на важных совещаниях или выставках проектов Дворца Советов, Генерального плана Москвы, высотных зданий. Известно, что М.И. Мержанов, в 1933-1935 годах проектировавший для Сталина несколько дач в Подмосковье и на юге, имел шанс лично разговаривать с вождем. Примечательно, что Сталин не высказывал ему никаких пожеланий о стиле собственного жилья, предоставив архитектору полную свободу творчества, и остался вполне доволен конструктивистским обликом своих дач.⁶

Справедливо считается, что конкурс на проект Дворца Советов привел к смене официального архитектурного стиля в СССР. Об этом историческом моменте написано бесчисленное множество трудов. Все же попытаемся еще раз восстановить некоторые оставшиеся в тени события начала 1930-х, чтобы разобраться – в чем же заключалось персональное вмешательство Сталина в ход конкурса и насколько оно могло повлиять на его результаты? Из литературных источников известно, что комиссия по строительству Дворца Советов (до 1931 г. – Дома съездов) была сформирована по предложению А.И. Рыкова (председатель Совнаркома до 1930 г.); в феврале 1931 года преобразована в Совет строительства Дворца Советов в составе председателя Совнаркома СССР В.М. Молотова, К.Е. Ворошилова, А.С. Енукидзе, Л.М. Кагановича (первый секретарь Московского комитета партии большевиков) и К.В. Уханова (председатель исполкома Моссовета). С апреля 1931 года председателем Совета строительства стал К.Е. Ворошилов. Рабочим органом было Управление строительством Дворца Советов (УДС).

Все предварительные материалы по подготовке строительства до и в первые месяцы после образования УДС готовил Б.М. Иофан. Это не удивительно. С 1927 года он тесно сотрудничал с Енукидзе, секретарем ЦИК СССР и председателем Комиссии по строительству дома ЦИК и СНК СССР («Дома на набережной») [7, с.318]. Первоначально УДС состояло из небольшой группы архитекторов и инженеров-конструкторов: Б.М. Иофана, Г.Б. Красина, М.В. Крюкова, И.П. Машкова и А.Ф. Полейта. Весной 1931 года М.В. Крюков был назначен начальником строительства, а Б.М. Иофан и

⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 817. Л. 9; Д. 827. Л.9; Д. 828. Л. 17 и др. // Исторические материалы [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://istmat.info/node/48210> (дата обращения 06.06.2019).

⁵ На приеме у Сталина: тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924-1953) / [авт.-сост.: А.В. Коротков, А.Д. Чернев, А.А. Чернобаев]. – М.: Новый хронограф, 2008. – 783 с.

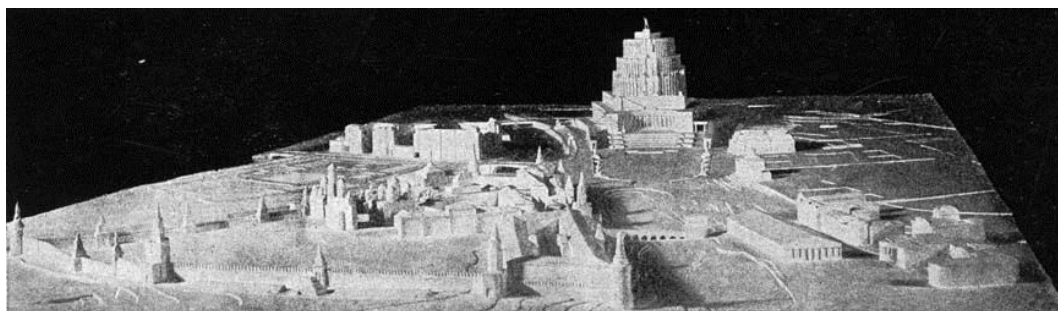
⁶ Резвин В.А. Архитекторы и власть [Текст]: [документально-исторические очерки: 12+] / Владимир Резвин. – М.: Искусство-XXI век, 2013. – С. 216-217; Девятов С.В., Юрьев Ю.В., Шефов А.Н. Ближняя дача Сталина. Опыт исторического путеводителя. – М.: Kremlin Multimedia, 2011. – 536 с.

Г.Б. Красин его первым и вторым заместителями. Точности в определении должности Иофана не было. Она называлась по-разному: «главный архитектор», «начальник работ» и «заместитель начальника по архитектурной части».⁷

Б.М. Иофан председательствовал на первом заседании управления 6 февраля 1931 года, отвечал за всю деятельность по подготовке и проведению конкурса на проект Дворца Советов: готовил конкурсные задания, определял сроки проведения конкурса, вел переписку. Он подписывал официальные бумаги званием «главный архитектор».⁸ По Положению об УСДС в числе многих важных задач на главного архитектора возлагалась «разработка на основе выбранных проектов эскизного и окончательного проекта» Дворца Советов. В одном из неутвержденных вариантов Положения об УСДС говорилось, что главный архитектор «может являться автором проекта Дворца Советов, принятого в результате конкурса к исполнению, если персонально будет соответствовать этой должности».⁹ Таким образом, Б.М. Иофан с самого начала действовал как утвержденный главный архитектор строительства. Он планировал конкурс не для того, чтобы найти себе преемника по его результатам. Иофану нужно было собрать с архитектурного мира идеи, которые он мог использовать в последующем проектировании.

В контексте этих архивных материалов совершенно другое прочтение получает известное и многократно процитированное письмо Сталина от 7 августа 1932 года, посвященное результатам второго тура конкурса (февраль-июль 1932 г.). Сталин написал: «Из всех планов Дворца Советов план Иофана – безусловно лучший <...> Надо бы (по моему мнению) обязать Иофана...» (и дальше перечень изменений к проекту)¹⁰ (рис. 1). По сути, здесь Сталин не пытается выбрать победителя, а просто выражает удовлетворение, что проект главного архитектора, по его мнению, оказался лучше других. Требования лидера государства по доработке проекта могли бы означать подавление творческой свободы в отношении независимого художника, но звучат вполне резонно, если обращены от заказчика к связанному контрактом главному архитектору проекта.

Назначение Иофана было бы невозможно без ведома вождя. Но из документов не следует, что Сталин занимался подбором главного архитектора самостоятельно. Вероятно, он лишь утвердил предложение Енукидзе, хорошо знавшего Иофана. Это был разумный выбор: за плечами архитектора было проектирование и строительство самого большого и технологичного здания в Москве – «Дома на набережной», к тому же стоящего на сложном грунте. Он единственный из советских архитекторов обладал подобным опытом. 4 июня 1933 года Б.М. Иофан был подтвержден в должности главного архитектора, а в соавторы ему определены В.А. Щуко и В.Г. Гельфрейх [2, с.179].

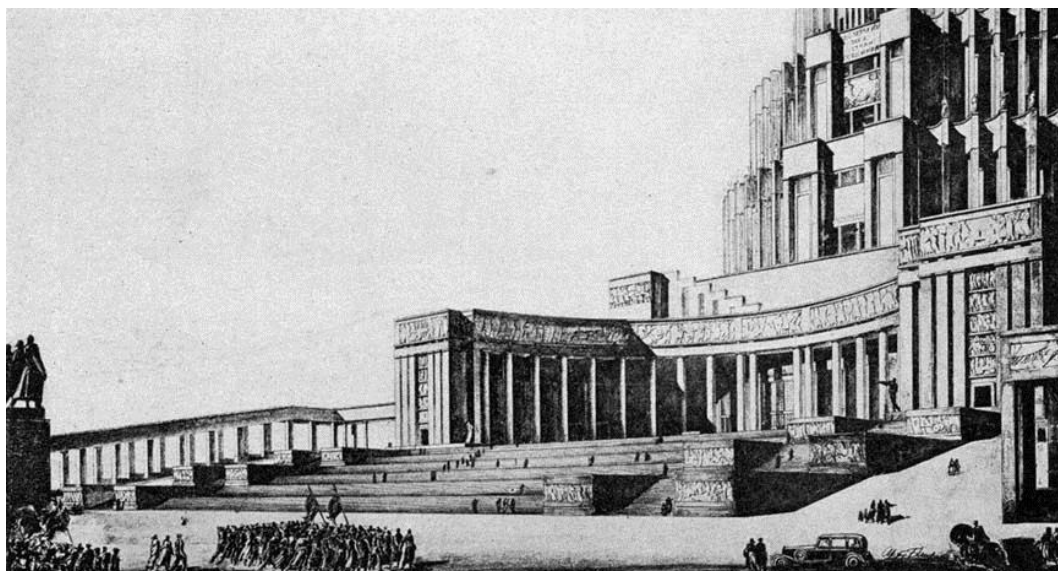
а)

⁷ ЦГА г. Москвы. Ф. 694. Оп. 1. Д. 1 – 5 и др.

⁸ ЦГА г. Москвы. Ф. 694. Оп. 1. Д. 4. Л.2; Там же. Д. 5. Л. 28.

⁹ ЦГА г. Москвы. Ф. 694. Оп. 1. Д. 1. Л. 1-2.

¹⁰ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 99. Л. 132-137. Опубликовано: Сталин и Каганович. Переписка. 1931-1936 гг. / Сост.: О. В. Хлевнюк, Р. У. Дэвис, Л. П. Кошелева, Э. А. Рис, Л. А. Роговая. Федеральная архивная служба России; Российский государственный архив социально-политической истории. – М.: РОССПЭН, 2001. – С. 269.

б)

Рис. 1. Проект Дворца Советов Б.М. Иофана: а) макет; б) фрагмент фасада

Изучая материалы конкурса на проектирование Дворца Советов можно заметить, что начиналось все довольно скромно, с возобновления идеи строительства Дома съездов, прозвучавшей впервые в начале 1920-х годов. Архитекторы, как и партийные лидеры, хотели закончить стройку быстро, к лету 1933 года. Но постепенно амбиции разрастались, шел сбор средств с наркоматов в фонд строительства, а дворец в фантазиях и властителей, и архитекторов становился все больше и больше. По наблюдению С.О. Хан-Магомедова, на первых порах «власть никак не конкретизировала свои новые стилистические требования к архитектуре кроме как желанием монументальности» [3, с.13].

В этой связи разумным кажется предположение, высказанное американской исследовательницей С. Хойсингтон, хотя и не нашедшее развития в российской историографии, что решающим фактором в отказе от авангарда послужил перенос строительства с Охотного ряда на площадку Храма Христа Спасителя. Храм имел буквально колоссальное значение для Москвы и для всей России – и символическое, и материальное. С момента начала постройки он был олицетворением императорской власти в Москве. Увенчанный пятью куполами, покрытыми 500 кг золота, высотой 103 м, храм занимал площадь в полгектара, был огромен и доминировал над всей панорамой города (рис. 2). Напряженный политический символизм места проявился уже весной 1918 года, когда революционная власть разрушила статую Александру III перед собором (рис. 3). Уничтожить храм и на его месте воздвигнуть Дворец Советов – невозможно было найти лучший способ отпраздновать триумф нового порядка и власти советского государства. Даже само его разрушение в декабре 1931 года было настолько драматичным, что приобрело символический смысл.

Рис. 2. Вид храма Христа Спасителя

Рис. 3. Снос памятника Александру III на площади у Храма Христа Спасителя

По мнению Хойсингтон, с того момента, как Совет строительства выбрал территорию Храма Христа Спасителя для размещения Дворца Советов в мае 1931 года, монументальность будущего сооружения стала первостепенной задачей. Власть обязана была построить здание более великое, чем собор, и в то же время символизирующее авторитет нового советского порядка. Те проекты, которые Совет строительства получил весной 1931 года, были абстрактными и антимонументальными; им не хватало символического резонанса. Они не подходили для нового места. Потребность в монументальности стала еще более ощутимой после того, как собор был уничтожен, поскольку в результате разрушения возник «гигантский вакуум» [6, с.47-48] (рис. 4).

Рис. 4. Начальный этап строительства Дворца Советов. Фото 1930-х гг.

Поиски «великого символа» и движение к «сверхмонументальности» продолжились в последующие годы и оформились в «эпический монументализм» [3, с.16]. В финальном проекте вершина символизма была достигнута при помощи соавторов Иофана – В.А. Щуко и В.Г. Гельфрейха (рис. 5). Есть история о том, как им удалось весной 1933 года передать свой вариант проекта Сталину после вмешательства писателя М. Горького.¹¹ В литературе, начиная с А.В. Луначарского, не раз отмечена аналогия проекта с известными изображениями Вавилонской башни [1, с.67]. Анализируя конструкцию Дворца Советов, проф. М.А. Великанов нашел ее близкой православному храму: церковное пятиглавие с «завершающим возглавием» в виде грандиозной фигуры Ленина – «нового Бога, Бога коммунизма, новой эпохи человечества».¹² В некотором смысле гипотеза М.А. Великанова перекликается с предположением С. Хайсингтон: храм разрушили, к храму вернулись; не построили, но «имя сделали».

Рис. 5. Руководители партии и правительства на осмотре модели Дворца советов в Государственном музее изобразительных искусств. Худ. Горелов Г.Н., 1939 г.

¹¹ Хмельницкий Д.С. Зодчий Сталин. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – С. 53-55.

¹² Великанов А.А. Дворец Советов СССР / Архитектурный вестник [Электронный ресурс]. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – Режим доступа: <http://archvestnik.ru/2019/03/12/dvoretsov-sssr/> (дата обращения 20.06.2019).

О том, как было принято решение о переносе места строительства, написано уже не раз, но стоит обратить внимание на некоторые детали. В начале 1931 года площадка, предложенная УСДС, не вызвала возражений ни у членов Совета строительства, ни у Политбюро. 25 марта 1931 года было принято решение: «а) Утвердить для сооружения Дворца Советов земельный участок в границах: Охотный ряд – Тверская – Георгиевский проезд – Б. Дмитровка – Охотный ряд; б) Все имеющиеся на участке строения снести, за исключением Дома Союзов (крыло Дома Союзов по Георгиевскому проезду также снести)» (Протокол № 30 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 25 марта 1931 г., п. 48).¹³ Но архитекторы продолжали спорить о площадке. 25 апреля, а потом еще 11 и 16 мая 1931 года состоялись собрания, на которых звучали разные предложения, в том числе и относительно судьбы Храма Христа Спасителя.

Протоколы заседаний опубликованы и не раз приведены в научных работах. 16 мая за строительство на месте собора высказались представитель АСНОВА (Ассоциация новых архитекторов) А.В. Бунин, и вероятно, И.В. Жолтовский, сославшийся на пожелания В.И. Ленина.¹⁴ Как вспоминал Л.М. Каганович, который был членом Совета строительства Дворца Советов, «не сразу и не слегка был решен этот вопрос», а сам он возражал против сноса собора; за строительство на месте храма выступал тов. Иванов, председатель Моссовета.¹⁵ Тут Каганович неточен: председателем Моссовета был Н.А. Булганин.¹⁶ Идея замены Храма Христа Спасителя показалась советским лидерам плодотворной. 25 мая 1931 года по докладу Молотова и Ворошилова Политбюро решило перенести строительство на место собора.¹⁷ Архитекторы все еще продолжали обсуждение. 30 мая они вновь проголосовали против.

2 июня 1931 года состоялось совещание Совета строительства, на котором присутствовал Сталин и дал свои рекомендации. Б.М. Иофан оставил короткие воспоминания об этой встрече: «Вождь задавал простые деловые вопросы, его беспокоило, поместится ли Дворец Советов на площадке сносимого храма; рассуждал, как распределить людские потоки; предложил развернуть главный вход к Кремлю».¹⁸ Как видим, архитектурный стиль здания не обсуждался. Даже после этого совещания архитекторы продолжали сомневаться. 4 июня начальник УСДС М.В. Крюков объявил, что окончательное решение пока не принято, а участникам конкурса вразрез с решением всемогущего Политбюро было позволено привязать свои проекты к выбранным ими самими альтернативным площадкам. В шести из шестнадцати проектов были предложены другие места.¹⁹ Приведенная хронология доказывает, что не Сталин был инициатором возведения Дворца Советов на месте Храма Христа Спасителя; архитектурное сообщество в 1931-1932 годах не испытывало перед вождем священного ужаса и вело себя не как «сборище рабов», а как вполне уверенное в своих знаниях сообщество профессионалов.

Подводя итоги, можно с большой долей уверенности сказать, что Сталин принимал в деятельности по проведению конкурса на проект Дворца Советов весьма опосредованное участие, в особенности на первых порах. Не ему принадлежала сама идея строительства дворца, не он инициировал перенос строительства с Охотного ряда на площадку Храма Христа Спасителя. Б.М. Иофан был назначен главным архитектором строительства не

¹³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 817. Л. 1–39.

¹⁴ Эйгель И.Ю. К истории построения и сноса храма Христа Спасителя // Архитектура и строительство Москвы. – 1988. – № 7. – С. 31.

¹⁵ Каганович Л.М. Памятные записки. – М.: Варгиус, 2003. – С. 661.

¹⁶ Гарнук С.Д. Московская власть. Советские органы управления. Март 1917 – октябрь 1993: справочник. – М.: Издательство ГАУ г. Москвы, 2011. – С. 364.

¹⁷ Протокол ПБ № 40 от 25 мая 1931 г. п.53 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://istmat.info/node/48435> (дата обращения: 06.06.2019).

¹⁸ Иофан Б.М. Сталин и Дворец Советов / Встречи с товарищем Сталиным. – М.: ОГИЗ, 1939. – С. 84–85.

¹⁹ Эйгель И.Ю. К истории построения и сноса храма Христа Спасителя // Архитектура и строительство Москвы. – 1988. – № 7. – С. 32.

потому, что Сталин планировал провести его руками «стилевую ломку» советской архитектуры, а потому, что в тот момент, в 1931 году, он единственный имел опыт строительства большого и технологически сложного сооружения. Управление строительства Дворца Советов было группой высокопрофессиональных опытных архитекторов и инженеров, которые действовали самостоятельно, даже противореча уже принятым решениям Политбюро и самого вождя; в материалах УСДС нет подтверждения того, что Сталин каким-то образом пытался навязывать им свои архитектурно-художественные предпочтения.

Очевидно, что у Сталина не было готового образа здания. Как заказчик, он, безусловно, следил за эволюцией проектирования и оценивал проекты. Первый его комментарий о внешнем облике Дворца Советов относится к июлю 1932 года – через полтора года после официального начала проектирования. Затем, в 1934 году, Сталин одобрил изменения, внесенные в проект В.А. Щуко и В.Г. Гельфрейхом. Архивные материалы не подтверждают убеждение некоторых авторов в том, что конкурс на проектирование Дворца Советов был сознательно запланирован И.В. Сталиным, чтобы навязать архитекторам новое архитектурное направление, собственную художественную систему.²⁰ Скорее, можно согласиться с тем, что в 1930-е годы политический инструментарий управления архитекторами был случайным, менялся в зависимости от конкретных обстоятельств и определялся по принципу детской игры «холодно-горячо» [5, с.26]. Сам стиль советского «сталинского» монументализма все же был создан не партийными функционерами, а профессиональным архитектурным сообществом.

Список источников иллюстраций

Рис. 1. Дворец Советов СССР. – М., 1933.

Рис. 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

https://img.gazeta.ru/files3/63/10400063/upload-RIAN_00163257.HR.ru-pic4_zoom-1500x1500-74353.jpg

Рис. 3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mosantico.ru/nashi-proekty/moskva-v-artefaktah/moskva-na-monetah-rossijskoj-imperii/>

Рис. 4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://moscowsteps.com/wp-content/blog/011214/9.jpg>

Рис. 5. Атаров Н. Дворец Советов. – М.: Московский рабочий, 1940.

Литература

1. Селиванова А.Н. Постконструктивизм: власть и архитектура в 1930-е годы в СССР: [монография]. – М.: БуксМАрт, 2018.
2. Судзуки Ю. Конкурс на Дворец Советов 1930-х гг. в Москве и международный архитектурный контекст: дис. ... канд. исск. – М., 2014.
3. Хан-Магомедов С.О. «Сталинский ампи́р»: проблемы, течения, мастера (доклад 2007 г.) / Архитектура сталинской эпохи: Опыт исторического осмысления / сост. и отв. ред. Ю.Л. Косенкова. – М.: НИИТИАГ РААСН, 2010. – С. 10-24.
4. Хлевнюк О.В. Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е годы. – М.: Росспэн, 1996.
5. Яковлева Г.Н. Творчество советских архитекторов предвоенного времени и власть / Архитектура сталинской эпохи: Опыт исторического осмысления / сост. и отв. ред. Ю.Л. Косенкова. – М.: НИИТИАГ РААСН, 2010. – С. 25-30.

²⁰ Хмельницкий Д.С. Зодчий Сталин ... С. 95.

6. Hoisington S.S. «Ever Higher»: The Evolution of the Project for the Palace of Soviets / Slavic Review. – Vol. 62, – №1(Spring, 2003), – S. 41-68.
7. Slezkine Yu. The House of Government: A Saga of the Russian Revolution. – Princeton : Princeton University Press, 2017.

References

1. Selivanova A.N. *Postkonstruktivizm: vlast' i arkhitektura v 1930-ye gody v SSSR* [Postconstructivism: power and architecture in the 1930s in the USSR]. Moscow, BuksMArt, 2018.
2. Suzuki Yu. *Konkurs na Dvorets Sovetov 1930-kh godov. v Moskve i mezhdunarodnom arkhitekturnom kontekst. Dis. kandidat isk.* [Competition for the Palace of Soviets of the 1930s. in Moscow and the international architectural context (Cand. Dis)]. Moscow, 2014.
3. Khan-Magomedov S.O. «*Stalinskaya imperiya*»: *problemy, tendentsii, mastera (doklad 2007 g.)*. *Arkhitektura stalinskoy epokhi: opyt istoricheskogo osmysleniya* ["Stalin's Empire": problems, trends, masters (2007 report). Architecture of the Stalin era: Experience of historical understanding]. Moscow, NIITIAG RAACS, 2010, pp. 10-24.
4. Khlevnyuk O.V. *Politbyuro. Mekhanizmy politicheskoy vlasti v 1930-ye gody* [Politburo. Mechanisms of political power in the 1930s]. Moscow, Rosspar, 1996.
5. Yakovleva G.N. *Tvorchestvo sovetskikh arkhitektorov dovoyennogo vremeni i vlasti. Arkhitektura stalinskoy epokhi: opyt istoricheskogo osmysleniya* [Creativity of Soviet architects of prewar time and power. Architecture of the Stalin era: Experience of historical understanding]. Moscow, NIITIAG RAKS, 2010, pp. 25-30.
6. Hoisington S.S. «Ever Higher»: The Evolution of the Project for the Palace of Soviets. Slavic Review, Vol. 62, no. 1(Spring, 2003), pp. 47-48.
7. Slezkin Yu. The House of Government: A Saga of the Russian Revolution. Princeton, izdatel'stvo Prinstonского universiteta, 2017.

ОБ АВТОРЕ

Кузнецов Сергей Олегович

Главный архитектор Москвы, Первый заместитель Председателя Комитета по архитектуре и градостроительству Москвы, Москва, Россия
e-mail: wustengeier@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Kuznetsov Sergey

Chief Architect of Moscow, First Deputy Chairman of the Moscow City Architecture Committee
Moscow, Russia
e-mail: wustengeier@gmail.com